

Nicky Pellegrino

When in Rome

Copyright © 2012 by Nicky Pellegrino.
First published by Orion Books Ltd, London

Перевод с английского *Т. Зюликовой*
Художественное оформление *Е. Анисиной*

~ Ники Пеллегрино ~

~ До свидания, Рим! ~

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П24

Nicky Pellegrino
WHEN IN ROME

Copyright © 2012 by Nicky Pellegrino. First published by
Orion Books Ltd, London

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Т. Зюликовой*
Художественное оформление *Е. Анисиной*

Пеллегрини, Ники.

П24 До свидания, Рим! : [роман] / Ники Пеллегрини ; [пер. с англ. Т. Зюликовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с.— (Подарочная серия романов о любви).

ISBN 978-5-699-85976-4

Откройте роман Ники Пеллегрини и окунитесь в волшебную атмосферу Рима 1950-х годов, насладитесь неповторимым очарованием узких каменных улочек, фонтанов и площадей. Туристам кажется, что те, кто живет здесь, вытянули счастливый билет. Серафина родилась в Вечном городе, но уверена, что ее жизнь ничем не примечательна.

У нее есть мечта — встретить Марио Ланца, знаменитого американского певца, услышать его голос. И однажды судьба дарит ей шанс увидеться с кумиром.

Познакомившись с Марио и его семьей, Серафина понимает, что жизнь — это не кинолента и ее кумиру тоже не чуждо ничто человеческое.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Зюликова Т.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85976-4

Богоматерь Милосердная

Ко всем дверям кнопками приколоты фотографии. На них мы такие, как прежде, — не дряхлые и немощные, не сгорбленные под грузом лет и почти отжившие свое. На одних снимках — улыбающиеся невесты под руку с давно умершими мужьями, на других — женщины с грудными детьми или девочки в белых платьях перед первым причастием. Тогда мы были красивы, сильны и здоровы. Тогда мы были молоды.

За этими самыми дверями живем мы, обитатели дома престарелых «Богоматерь Милосердная». На двери в мою комнату тоже висит фотография — ее достали из старой рамки, которая теперь хранится где-то в нижнем ящике шкафа вместе с прочими обломками моей жизни. Персонал редко останавливается посмотреть на снимок и никогда не задает мне вопросов. Наверное, все думают, что рядом со мной — мой муж, но, разумеется, мы не были, да и не могли быть женаты.

Он так красив, что сердце замирает в груди. На губах улыбка. Темные волосы разделены пробором и

Ники Пеллегрини

аккуратно зачесаны на лоб. Плечи выглядят широкими — под пиджак его дорогого костюма подложены специальные подкладки. Мне он кажется усталым — возможно, потому, что я знаю историю этой фотографии. Время, когда она была сделана, сейчас вспоминается гораздо отчетливее событий прошлой недели или даже вчерашнего дня.

Я никогда не называю его имени. Старики, если даже о нем и слышали, вряд ли поверят... а молодые не поймут.

Возможно, он еще получит признание, ведь его не забыли, не сомневаюсь. Но кому придет в голову поставить нас рядом? Кто может вообразить, что однажды его жизнь соприкоснулась с моей и навсегда ее изменила?

Если найдется человек, готовый выслушать, я, быть может, и расскажу свою историю. Но я не намерена откровенничать с сиделкой, пока она торопливо обтирает меня влажной губкой, взбивает подушки, поправляет одеяло, а потом спрашивает: «Как вы себя чувствуете, синьора?» — и уходит, не дожидаясь ответа.

Да и вообще, моя история начинается не с него, а с женщины, которая высовывается из окна увитого плющом дома в Трастевере и, глядя на узкую улочку внизу, кричит: «Серафина... Серафина... Серафина!»

До свидания, Фи!

Golden Days¹

— Серафина... Серафина... Се-ра-фи-на!

Мамин голос было слышно даже через закрытые двери. Он разносился по всему лестничному колодцу, а когда мама высовывалась из окна старого обшарпанного дома в Трастевере, гулко отдавался в узкой улочке далеко внизу.

Из трех сестер я была старшей, и чаще всего мамма звала именно меня. Если нужно отнести в прачечную белье, сходить на рынок или заплести младшим косы, значит, сейчас раздастся ее голос: «Серафи-и-ина!»

В то время мамма была все еще хороша собой. Она смотрелась эффектно даже в поношенном домашнем платье, с волосами, зачесанными назад и собранными у самой шеи в простой хвост. Каждый вечер мамма красила полные губы ярко-красной помадой и аккуратно подводила черным карандашом раскосые кошачьи глаза, потом брала блестящую белую сумочку с золотой застежкой и выходила на ночные улицы.

Одевалась она элегантно — в платья с осиной талией, пышной юбкой и открытыми, как у цыганки, плечами. Большую часть своего гардероба мамма сшила сама. Она вполне могла бы стать портнихой, однако нашла иной способ зарабатывать деньги — способ, который нравился ей гораздо больше.

¹ Золотые дни (*англ.*). В качестве названий всех глав, кроме первой и последней, автор использует названия песен Марио Ланца (*здесь и далее — примечания переводчика*).

Жики Пеллеирино

По вечерам мамма предоставляла нам с сестрами прибраться после ужина и шла в бар на углу, где вместе с подругами лениво потягивала *aperitivo*, прежде чем отправиться на работу. Мы привыкли оставаться дома одни. Предполагалось, что мы помоем посуду и сразу ляжем спать, но зачем слушаться, когда никто не видит? Иногда мы доставали мамины журналы и разглядывали фотографии кинозвезд — Риты Хейворт, Авы Гарднер, итальянки Джини Лоллобриджида. Интересно, каково быть такими же красивыми и знаменитыми?..

Мамма не запрещала нам листать журналы, однако вряд ли обрадовалась бы, если бы увидела, как я вынимаю из конвертов ее бесценные пластинки, ставлю на проигрыватель и осторожно опускаю иглу. У нас дома хранилась целая музыкальная коллекция: американский джаз, неаполитанские любовные песни, даже несколько опер. Но моим любимым певцом — певцом, чей голос брал за душу и заставлял трепетать от восторга, — был Марио Ланца.

— Ланца даже не настоящий итальянец, — с презрением говорила моя сестра Кармела. — И вообще, он щекастый — только посмотри на это фото!

— Да ты послушай, как он поет! — отвечала я. — Разве может быть что-нибудь прекраснее?

— Ты поцарапаешь пластинку, если будешь все время ее слушать, и тогда мамма узнает, чем ты тут занимаешься.

Кармеле было тогда четырнадцать. В ее возрасте мне пришлось бросить школу, чтобы присматривать за ней и самой младшей, Розалиной.

До свидания, Фии!

У Кармелы был красивый голос. Даже когда она просто слушала мамины пластинки и подпевала, он и то звучал потрясающе. В теплую погоду, забрав сестер из школы, я часто приводила их на Пьяцца-Навона, и Кармела выступала перед туристами.

Обычно Кармела вставала рядом со своим любимым фонтаном. Едва она открывала рот, как вокруг собиралась толпа, и люди начинали бросать в соломенную шляпу монетки. Иногда мы исполняли что-нибудь на три голоса. Мы с Розалиной тоже немного умели петь, хотя настоящий талант был только у Кармелы. Нам мечталось, что в один прекрасный день ее заметят, и тогда наша семья разбогатеет.

Когда шляпа до краев наполнялась лирами, Кармела переставала петь, и мы подсчитывали выручку. Если денег оказывалось достаточно, мы покупали себе мороженое или кока-колу, а потом шли в кино. Больше всего мы любили музыкальные фильмы и часто их пересматривали. «Серенаду» я видела столько раз, что знала чуть ли не наизусть. Впрочем, как и «Любимца Нового Орлеана», «Потому что ты моя» и вообще все картины с Марио Ланца.

— Да ты в него влюбилась! — негодовала Кармела.

— А даже если и так, что с того? — отвечала я.

Я не видела ничего предосудительного в том, чтобы влюбиться в кинозвезду. Марио Ланца был в сто раз лучше тех мужчин, которых я встречала в реальной жизни. Так приятно сидеть в темном зале и смотреть на его искрящиеся глаза и добрую улыбку! А когда он пел *Be My Love*, в его голосе звучало по-

Ники Пеллеgrино

длинное чувство — искреннее и прекрасное. Марио нисколько не походил ни на римских подростков, которые пялились и свистели мне вслед, ни на подозрительно любезных пожилых мужчин, наверняка знавших мою мать.

Пожалуй, я была хорошенькой: полные, как у мамы, губы, собранные в высокий хвост темные волосы, серо-зеленые глаза — мне нравилось думать, что они у меня от отца, хотя я никогда не видела его даже на фотографии. Я носила широкие юбки и тщательно выглаженные, застегнутые до самого горла блузки, на талии — тонкий поясик. И я была заметно выше других девушек, как ни старалась сутулить плечи. Неудивительно, что на меня оглядывались.

Мамма гордилась моей внешностью. Ей нравилось делать мне макияж — намазывать губы розовой помадой, наносить на веки блестящие золотистые тени, — а потом восторгаться, как по-взрослому я выгляжу. Когда это занятие ей надоедало, я старательно смывала все следы косметики.

Не уверена, догадывалась ли мамма, чем мы с Кармелой и Розалиной занимаемся долгими летними вечерами. Возможно, она просто предпочитала смотреть на все сквозь пальцы. Обычно она спала допоздна, потом долго нежилась в ванне, выщипывала брови, красила ногти. Даже если бы мамма узнала, что мои сестры иногда по целым дням не ходят в школу, вряд ли бы ее это сильно встревожило: умеют сосчитать сдачу на рынке, и ладно.

До свидания, Рим!

Требовала мамма только одного: все мы должны хотя бы немного говорить по-английски. Сама она переняла кое-что у американцев еще во время войны и теперь каждый день заучивала с нами какую-нибудь новую фразу. Знания эти нам были нужны: туристам, перед которыми выступала Кармела на Пьяцца-Навона, нравилось, когда мы приветствовали их на родном языке или желали приятного отпуска. Они зачастую смеялись и бросали в шляпу еще несколько монет.

— Я родилась с песней на устах, — говорила им Кармела. — Не спешите уходить, послушайте еще. Я умею петь не только по-итальянски, но и по-английски.

После такого приветствия Кармела часто исполняла *Ve My Love*, мою любимую. Сестра пела легко и чисто, ее голос вызывал в памяти сладкие персики и теплый мед.

— Вот стану взрослой и начну выступать в ночных клубах, — строила планы Кармела, пока мы сидели у фонтана и ели мороженое. — Однажды я непременно прославлюсь, куплю большой палаццо на берегу моря, и вы все будете там жить. Ну и я, конечно, тоже, когда не надо будет записывать пластинки и сниматься в кино.

— А я не хочу жить в палаццо на берегу моря, — пожаловалась Розалина, лоя языком капли растаявшего фисташкового мороженого. — Хочу остаться в Риме и продавать *gelato*¹ на Пьяцца-Навона.

— Да ты сама все съешь, и продавать будет нечего! — со смехом ответила я.

¹ Мороженое (*итал.*).

Жики Пеллеирино

— Неправда! — возмутилась она. — У меня всегда будет самое вкусное мороженое. Я стану богаче Кармелы и куплю большую квартиру в Трастевере. У каждой будет своя кровать, и больше не придется спать всем вместе.

Вечером мы втроем устраивались в одной двуспальной кровати. Поздно ночью мамма возвращалась домой и перекладывала Розалину на матрас: она была самой маленькой и спала крепче всех. Утром, проснувшись на полу, Розалина начинала хныкать и пыталась забраться к нам под одеяло.

Мы ютились в двух загроможденных вещами комнатухах — спальне и гостиной, где я готовила на газовой горелке обед. Мылись и ходили в туалет в общей с соседями комнате в конце коридора. В тесной квартирке было вечно темно и сыро. Наверное, в другой части города мы смогли бы найти что-нибудь более приличное, но мамма даже слышать не хотела о переезде.

— Мы живем в Трастевере — в самом сердце Рима, — говорила она. — Зачем нам куда-то переезжать?

Маме нравился лабиринт узких улочек, высокие терракотовые дома с дверными проемами в виде арок, увитые ползучими растениями стены, живописные уличные часовни, развешенное на веревках белье, старуха, каждое утро выползавшая на крыльцо погреться на солнышке и полущить горох, мужчины, которые ставили прямо на мостовой складные столики и доб-

До свидания, Рим!

рую половину дня резались в карты и переругивались. Она обожала сам дух Трастевере.

По воскресеньям мы с мамой ходили на утреннюю мессу в старинную церковь на Пьяцца-ди-Санта-Мария. К началу мы опаздывали, поэтому проскальзывали внутрь как можно тише, садились на заднюю скамью и устремляли взгляд на яркие мозаики над алтарем, видневшиеся в конце длинного коридора из колонн. Мамма прятала свои блестящие, цвета полированной меди волосы под платок и скромно закалывала платье у горла. Во время молитвы она склоняла голову и закрывала глаза. Задолго до окончания службы мамма поднимала нас с места и, прижав палец к губам, выводила из церкви. И только много лет спустя я поняла, почему: ей не хотелось ставить в неловкое положение знакомых мужчин и давать их женам пищу для размышлений.

Едва мы оказывались на площади, как мамма стягивала с головы платок и сразу становилась сама собой.

— Ну что, девочки, в какое кафе пойдем? — весело спрашивала она. — Серафина, сегодня ведь твоя очередь выбирать?

В воскресенье нам разрешалось сидеть рядом с мамой в тени солнечных зонтиков или в кабинке рядом со стойкой и заказывать все, что душе угодно. Куда пойти, мы выбирали по очереди. Розалине нравилось кафе на Пьяцца-ди-Санта-Мария: вокруг фонтана обычно бегали дети, и ей было с кем поиграть. Кармела предпочитала экспериментировать. Ну а я, как знала

вся семья, любила местечко в конце узкого переулочка, которое хранило особый дух старины.

По воскресеньям мамма нас баловала: заказывала глубокие вазочки с мороженым и целые горы сладостей. Пока мы ели, она медленно прихлебывала эспрессо и курила. Мамма часто покупала в киоске на площади журнал «Конфиденце» и, перелистывая страницы, отпускала едкие замечания по поводу кинозвезд, на фотографии которых мы трое глядели во все глаза.

— Вы только посмотрите на эту Софи Лорен. Ну и нос! Острый, еще и ноздри слишком большие. Ну а Джина Лоллобриджида? Хорошенькая, спору нет, но вечно какая-то растрепанная. — Она пригладила собственные волосы. — С такими-то деньгами могла бы сделать прическу и попримилнее.

— Тебе тоже надо стать кинозвездой, мамма, — сказала Розалина с полным ртом, уплетая сливочный *cornetto*¹. — Ты в сто раз красивее синьоры на картинке.

Мамма рассмеялась и нежно ущипнула мою младшую сестренку за щеку:

— Ты хочешь, чтобы я стала знаменитой, *cara*²?

— А можно и мне стать знаменитой? И Кармеле с Серафиной? — спросила Розалина.

— Думаю, можно. Почему нет?

— Тогда да, хочу! — решила Розалина.

¹ Рожок (*итал.*).

² Дорогая (*итал.*).

До свидания, Рим!

Заметку в колонке сплетен нашла Кармела.

— Ой, тут что-то о Марио Ланца. — Она наморщила лоб, старательно разбирая слова. — Кажется, он приезжает в Рим!

— Дай я посмотрю!

Как и Кармеле, чтение давалось мне с трудом. Водя пальцем по строчкам, я медленно прочла:

— «По слухам, Марио Ланца собирается сняться в фильме «До свидания, Рим». Съемки пройдут в Италии. Ланца приезжает к нам из Америки вместе с женой Бетти и четырьмя детьми...» Ой, а внизу страницы — фотография! Правда, они замечательно смотрятся вместе?

Матма разглядывала фотографию очень долго: возможно, она представляла себя в стильном, как у Бетти, пальто с присборенными рукавами, рядом с Марио и четырьмя идеальными детьми в костюмчиках одного цвета.

Я ждала, когда же матма сделает какое-нибудь ехидное замечание, но, похоже, придраться было не к чему.

— Матма, а мы сможем его увидеть? Попросить автограф? — Кармела всегда притворялась, будто равнодушна к Марио Ланца, однако новость взволновала и ее. — Вдруг мы услышим, как он поет, раз он останется в Риме?

В ответ мама только пожала плечами:

— Посмотрим... Может быть...

Что означало: «Вряд ли».